

ДАРЬЯ
КУЗНЕЦОВА

К ДАРЬЯ
КУЗНЕЦОВА

ДВЕ ПТИЦЫ
НА СНЕГУ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К89

Серийное оформление — *Екатерина Петрова*
Иллюстрация на обложке — *Дарья Родионова*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Кузнецова, Дарья.

К89 Две птицы на снегу : [роман] / Дарья Кузнецова. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 320 с. — (Необыкновенная магия. Шедевры Рунета).

ISBN 978-5-17-158464-1

Когда врач-силовик Летана Горская согласилась помочь на операции, спасая жизнь раненому фениксу, она просто делала свою работу и не собиралась извлекать выгоду. Но когда этот поступок принёс шанс подобраться ближе к Разлому и провести едва не сорвавшуюся научную работу, она решила его не упускать, несмотря на то, что к этому шансу прилагается нахальный и бесцеремонный феникс. Пару декад можно и потерпеть неприятного соседа. Но когда и что в этой жизни идёт по плану?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-158464-1

© Д. Кузнецова, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

... ГЛАВА 1 ...

АНАМНЕЗ

Снег начал идти еще днем, к пяти вечера уже свалил стеной, а к восьми превратился в такую метель, что уличные фонари сквозь нее едва виднелись. Врач-силовик Летана Горская наблюдала за буйством природы из гостиницы и радовалась, что уже вечер, что не надо никуда выходить, а можно поужинать в уютном ресторане на первом этаже и спокойно закопаться в записи. Хоть до Разлома она так и не добралась, и нужных замеров нет, но зато коллеги поделились интересной статистикой собственных наблюдений и за тварями, и за теми, кто с ними боролся. Пока было непонятно, к чему эту статистику прикрутить, но Летана по умолчанию считала полезной всю информацию, а разбираться во всем этом предстояло уже дома, в компании научного руководителя за чашкой чая с медом. В столице зима малоснежная и очень сырая, там без меда никуда.

Мечты оказались нарушены, когда она уже собиралась ложиться. Сплетенная из чистой магии весточка, имевшая вид мелкой белой пичуги, влетела сквозь оконное стекло, с размаху плюхнулась на стол

и растеклась белым листом с черными печатными буквами. Просьба о помощи и вечерний привет от Разлома — очередной патруль попал в переплет, раненные прибыли в госпиталь экстренными порталами.

Подробностей весточка не содержала, но Летана в любом случае не собиралась отсиживаться в стороне, когда речь шла о человеческих жизнях. Быстро оделась, собрала непослушные мягкие волосы в косу, не тратя время на аккуратный привычный пучок, и помчалась в госпиталь, благо располагался он совсем недалеко, на этой же улице.

Здесь все находилось недалеко — городишко крошечный, вблизи Разлома больших не бывает. Однако даже это расстояние в жестокой метели показалось бесконечным.

— Уф, ну у вас тут и погода! — посетовала Летана, одолев тугую входную дверь и ввалившись в приемный покой госпиталя. — Идти сто метров, но только зигзагами против ветра, от укрытия до укрытия! Если не сдует, то заметет... Думала, заблужусь. Доброй ночи!

— Здравствуйте, Летана! Ой, это только начало, — «утетила» молоденькая медсестра, тут же бросившись к ней. Помогла стащить и стряхнуть совершенно белую от снега шубу, и на светлом кафеле мигом образовалась стремительно тающая лужа. Большая, но чистая: снега навалило уже столько, что до грязи при всем желании не докопаться. А от календарной зимы не прошло и кварталы!* — Если так сыпануло, то

* Квартал — мера времени, состоит из четырех декад, в каждой декаде — десять дней.

это дня на три. Но это хорошо, в такую погоду спокойно, даже твари по норам сидят, так что патрули не ходят. Да что вы, ну не стоило!

Последнее замечание относилось к тому, что Горская машинально собрала за собой лужу и горячим воздухом просушила шубу, которую девушка продолжала держать, пока гостя выпутывалась из шарфа и вытряхивала еще и его.

— Ничего страшного. Спасибо, куда это?.. — спросила Летана, пытаясь забрать у добровольной помощницы одежду.

— Не волнуйтесь, я все уберу, давайте шарф. Вот, держите бахилы! Вам вон туда, в конце коридора дверь, там уже все готово, ждут.

— Спасибо! — не стала спорить Горская и поспешила в указанном направлении.

Этот небольшой госпиталь понравился ей с первого взгляда, еще декаду назад, когда она только приехала в Каменнопольск. Да, не чета учреждениям столичного размаха, но зато все очень чисто, аккуратно и строго. Взять хотя бы вот эту медсестру на входе: аккуратный голубой костюм, халат белый, как свежий снег за окнами — приятно посмотреть. Мебель в приемном покое не новая, со следами починки, но тоже чистая и в хорошем состоянии. И так во всем.

И люди хорошие, не случайные. Наверное, именно потому, что госпиталь маленький, а дело делает большое. Престижа никакого, работы много, но и работа вся — настоящая, а не как повезет. Летана три года после учебы стажировалась в похожем, на другом конце Разлома. Даже подумывала остаться,

но учитель сманил перспективами интересной исследовательской работы. О чем она ни разу не пожалела, но в короткие моменты вот таких командировок испытывала приступы ностальгии.

Через короткий светлый коридор и белую дверь с алой надписью «Операционный блок №1» Горская быстрым шагом влетела в предоперационную, где ее ждали.

— Доброй ночи! — еще одна медсестра, постарше и явно гораздо более опытная, тут же бросилась навстречу. — Спасибо, что согласились помочь. Наш Даровой...

— Не стоит, — перебила Летана, ныряя в кабинку для переодеваний. — Если он опасается не справиться сам и проблема по моему профилю, не могла же я отказать! Расскажите лучше, что там? Да, спасибо. — Она приняла стерильную рубашку.

Отказываться от помощи с одеждой и всем остальным Лета и не подумала — все равно не ориентировалась здесь и не знала, что и откуда можно брать. Теплые зимние штаны и сапоги сменились светло-зелеными операционными брюками и мягкими носками-тапками за считанные секунды — навык быстрого переодевания выработался еще в институтские годы, во время первой практики. Косу Горской убирали под шапочку в четыре руки. И несмотря на то что Летана не хирург и от операционного поля всегда держалась достаточно далеко, мылась она по всем правилам. Одно только отличие: перчатки силовнику не только не нужны, но даже мешают.

— Поврежденный светоч, гаснет уже. Паслен еще держит, только это временно и ненадолго, сам не

восстановит. Патруль нарвался на что-то серьезное, боевики справились, но много раненых. У нас все хирурги на ногах, там в основном по их профилю, рваные-резаные-укушенные, а этот вот... Его товарищ подобрал, вместе с ним и порталом дернуло. Все, готово!

По-хорошему, Летане вообще не следовало тут присутствовать, все же привлечение посторонних к операции — сомнительный поступок. Но местный главврач к формализму в таких вопросах явно не склонен, весточку послал именно он, а сама Лета тем более не видела причин для отказа.

В операционной было тихо, неподвижно и тревожно. Дежурный хирург, его молодой помощник, анестезиолог и операционная сестра молча стояли в стороне, а главный силовик госпиталя с очень сосредоточенным видом держал ладони на светочке, лежащем на краю операционного стола, и вливал в него собственную энергию, которая уходила словно в решето.

Судя по бледному, в цвет маски, лицу и хмурой глубокой складке между редких бровей, питал пострадавшего он из последних сил. Беглый взгляд Летаны на светоч только подтвердил первое впечатление: в сложном переплетении силовых нитей зияли заметные дыры, и справиться с ними самостоятельно феникс явно не мог. Вообще чудо, что он дожил не только до этого момента, но до попадания в руки Паслену.

Светоч — это то, что остается от феникса на краю гибели, нечто вроде цисты у простейших. В таком состоянии, замкнувшись в энергетическую скорлу-

пу, он способен восстановить повреждения, которые для любого другого живого существа стали бы смертельными, потому этих огненных птиц и считают бессмертными. Теоретически у перевертышей подобного типа это должно работать так же, но у людей такой процесс протекает гораздо медленнее и более энергозатратно — им просто не хватает магии для самостоятельного восстановления. Плюс светоча в том, что феникс может достаточно долго существовать в такой форме и выжить, тогда как за это время другой уже умер бы от ран.

Но все имеет свой предел, вот как сейчас, и светоч феникса не спасал. И Даровой тоже не мог. И у Леты шансы невелики, но... Это не значит, что она не попытается.

— Не вливайте в него силу, пусть сам работает, — обратилась Летана к коллеге. — Вы отвлекаетесь на прокачку, и на остальное не хватает внимания. Изолировать, замкнуть и заставить воплотиться, иначе никак. Светоч вы не заклеите.

Паслен Даровой, опытный силовик лет пятидесяти с небольшим, одарил молодую женщину благодарным усталым взглядом и уступил место рядом со столом. Операционная бригада тоже смотрела с такой надеждой, что Летане стало неловко. Они за всех пациентов так переживают или просто именно этого хорошо знают? Впрочем, чему тут удивляться. Городок небольшой, госпиталь один на четыре ближайших заставы, наверняка все боевики — знакомые.

Светоч теплого янтарного цвета имел форму яйца, слабо светился и на ощупь был гладким и почти холодным. Лишнее подтверждение плачевности

его состояния: фениксы горячие, он должен почти обжигать руки и гореть гораздо ярче.

Разобраться в той паутине, которая составляла светоч, Летана даже не пыталась — не с человеческими возможностями. Он сплетен настолько плотно, что даже отточенное постоянной работой с энергетическими структурами восприятие не поможет, как ни старайся. Шутка ли, упаковать взрослого человека в объем примерно головы! И даже если кажется, что ты отчетливо видишь нить и знаешь, как она должна тянуться, пытаться соединить бесполезно, потому что внутри, скорее всего, сложено несколько параллельных потоков; распространенная ошибка даже опытных силовиков.

Заставить поврежденный светоч развернуться тоже нетривиальная задача, но она хотя бы решается. Отрезать от внешних источников, замкнуть в отдельный кокон, который надо успеть поставить за пару мгновений, да еще и достаточно плотный...

Летана почти успела. Все же опыт в этом деле великая вещь, а подобными коконами она заинтересовалась еще во время учебы и за десять с лишним лет довела схему до совершенства. Одного сейчас не учла: этот конкретный феникс оказался слишком силен и слишком яростно цеплялся за жизнь. Горская просто не успела оборвать нити, связывающие с ней воплощенное заклинание, а потом стало поздно — пациент присосался к ауре целителя клещом. Пришлось срочно изолировать уже саму себя, заключая в новый кокон обоих. От последовавшего за этим скачка потенциала на мгновение потемнело в глазах, Летана выругалась сквозь зубы, но — удер-

жала. И его, и себя, а через мгновение светоч под ее ладонями потерял плотность.

Это было красиво. Чуть теплая гладкая поверхность большого янтарного яйца просела и подалась мягким воском, по операционному столу плеснуло жидкое пламя и стекло вниз, на несколько мгновений очертив птичий силуэт — хвост с парой особенно длинных перьев по бокам, поджатые черные лапы с острыми когтями, распростертые на всю операционную крылья. Обычно ярко-рыжее, а сейчас тускло-багровое — оперение мерцало, словно тлеющие угольки.

Еще мгновение, и покрытая мягкими, нежными на ощупь перьями птичья голова с хищным черным клювом сменилась человеческой, с колючей щетиной на щеках и выбритых висках.

Первым очнулся и шагнул к раненому анестезиолог, через мгновение опомнились остальные. Переместив правую ладонь на шею феникса, Летана отступила в сторону, чтобы не мешать коллегам. Отпускать пациента она не спешила, до конца работы было еще далеко. И пока хирург латал развороченную грудную клетку, собирая осколки ребер и легких, врачу-силовику предстояло заделать дыры в энергетической оболочке, которые никуда не делись. Непонятно, с чем пострадавший столкнулся — в прямом смысле, — но не будь он фениксом, уже умер бы. А так...

Он и сейчас пытался это сделать, но оказался везучей заразой. И живучей. И хорошо, что при переходе в состояние светоча почти все инородные предметы пропадают — не пришлось вынимать из тела обрывки одежды.

Операционная бригада колдовала над раненым без малого четыре часа. Часть силового каркаса пришлось вылепить заново, все выложились досуха, но зато теперь на беглый взгляд пациент казался вполне здоровым. О страшной ране говорил только странный вид татуировки на его торсе. Роскошный стилизованный феникс черного цвета, занимавший всю широкую грудь боевого мага, перекосил и обзавелся неровными проплешинами, на которых ярко розовела чистая молодая кожа. А вот энергетически... Впрочем, Летана не жалела. Все равно других вариантов не было, уж лучше так, чем труп.

За пациентом пришла та же самая медсестра, что встречала Горскую на пороге. Она оказалась способной на левитацию предметов, даже если предмет этот — боевой маг весом под сотню килограммов. Так что врачи с чистой совестью передоверили ей пациента и пошли в предоперационную переодеться — зевающие, но довольные. Гостью пропустили вперед, а потом заманили в ординаторскую предложением выпить хорошего кофе. Да она и без кофе не отказалась бы, потому что бросать пациента пока не собиралась, и далеко отходить от него — тоже.

Ординаторская в госпитале была небольшой, но очень уютной, вполне в духе всего остального. Три рабочих стола у стены, два больших окна со шкафом между ними, мягкий диван в углу и кофейный столик перед ним.

— Как все прошло? — с беспокойством встретил их Даровой. Но разулыбался еще до того, как услышал ответ, прочитав все по умиротворенным лицам.

Он вообще часто улыбался, и его беспомощно-светлая улыбка вызывала странное смущение, заставляя Лету чувствовать себя набедокурившим ребенком, невольно обидевшим доброго и любимого учителя. Округлый, низкий, с залысинами, аккуратной каштановой бородкой без признаков седины, носом-картошкой и большими добрыми глазами... Такому бы с детьми работать, а не со взрослыми.

— Нормально, — ответил хирург. — Собрали. У нас живилка осталась?

— Была, — без особой уверенности отозвался анестезиолог и пошел к хранильнику проверять.

Летана мысленно взмолилась Творцу, чтобы чудодейственный эликсир действительно нашелся. Живилкой в быту называли эликсир с громким названием «живая вода». Конечно, совсем не такой могущественный, как сказочный прототип, но зато он помогал быстро и без побочных эффектов восстанавливать энергетический резерв, что сейчас пришлось бы очень кстати.

— Леточка, позвольте выказать восхищение! — Даровой проворно сцапал ладонь столичной гостьи и склонился для поцелуя. — Вы настоящая волшебница. Я немного понаблюдал сначала, честно признаться, — восхищен! Никогда не видел столь тонкой работы с энергией. Светан может вами гордиться! Я ему непременно напишу, это изумительно!

— Обширная практика, — улыбнулась та в ответ. — Только... Паслен, у меня к вам серьезный разговор. Признаться, я не знаю, к кому еще обратиться с этим. У того феникса есть постоянный лечащий врач?

— А что случилось? — любопытствовал хирург. Долговязый светловолосый мужчина лет тридцати без стерильной маски оказался довольно симпатичным, с подвижным лицом и хорошей улыбкой. Взгляд его искристых голубых глаз горел живым любопытством.

— Побочный эффект. — Летана не видела смысла скрывать. — Образовалась прочная сцепка ограничивающего типа со всеми сопутствующими.

— О! — мужчины переглянулись с одинаково озадаченными выражениями лиц, и Горская испытала легкое мелочное злорадство. Недостойное, но оттого не менее приятное. Не ей же одной ломать голову над этой... пикантной ситуацией!

Энергетических сцепок существует великое множество, они различаются по вектору, степени воздействия и продолжительности, некоторые считаются незаконными, других большинство неспециалистов и не замечает. По сути это просто энергетические связи, образование которых неизбежно для всех рас и даже для неразумных существ. Все создания Творца — равновесные, но частично открытые структуры, поглощающие и отдающие энергию, и открытые каналы их невольно смыкаются.

Ограничительные сцепки встречаются только в Зеленом лепестке, и встречаются нередко. Возможность оборота перевертыши обретают в возрасте от тринадцати до семнадцати лет и в это время полностью осваивают ее и получают контроль над магией. Кому-то это дается легче, кому-то тяжелее, но почти все, так или иначе, справляются. Порой самостоятельно, а порой благодаря такой вот ограничивающей